

Людмила Журова

Рукописное наследие Максима Грека в книжной культуре конца XVI в.: нерешённые проблемы*

Ludmila Zhurova

(Institute of History, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk)

The handwritten legacy of Maxim the Greek in the book culture of the late 16th century: unsolved problems

DOI: 10.31857/S2949124X23040156, EDN: HPAAOR

Проблема, поставленная в монографии В.Ю. Крутецкого, — исследование освоения трудов прп. Максима Грека русской книжной культурой последней четверти XVI в., — сегодня как никогда актуальна. Готовится к публикации третий том сочинений святого по несколько дополненному проекту Н.В. Синицыной¹. В него, наряду с главами Хлудовского кодекса писателя и уникальными текстами раритетного по составу Румянцевского сборника (далее — *P*), войдут послания, сохранившиеся, как правило, в сводах, составленных русскими книжниками в конце XVI — начале XVII в. Вступительные статьи Синицыной к первым двум томам посвящены раннему творчеству Максима Грека и работам 1530–1550-х гг.² Введение к третьему тому хотелось бы посвятить рецепции рукописного наследия писателя русской книжной традицией последней четверти XVI — начала XVII вв.

Классификация собраний сочинений прп. Максима Грека, разрабо-

танная Синицыной³, — выдающееся достижение науки XX в. В различных хранилищах страны исследовательницей обнаружены десятки рукописных сборников XVI–XIX вв., проведён макротекстологический анализ, позволивший сгруппировать их по составу и определить основные особенности каждого кодекса. Важные дополнения к описанию собраний, открытие новых сводов сделаны Д.М. Буланиным⁴. Систематизация многочисленных рукописных сборников сочинений Максима Грека стала своеобразной «топографией», позволяющей исследователям ориентироваться в обширном пространстве русской рукописной традиции богатого литературного наследия Святогорца. В настоящее время нет специальных работ, посвящённых сводам, составленным русскими книжниками, кроме краткой характеристики Собрания Ионы (Думина)⁵ и исследования Поморского кодекса, выполненного А.Т. Шашковым, которое может служить образцом анализа, построенного на кодикологическом,

* Крутецкий В.Ю. Преподобный Максим Грек в русской культуре последней четверти XVI в. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2022. 272 с.

Материал подготовлен в рамках госзадания «Память о прошлом в письменных источниках XVI–XX вв.: актуализация событий, трансляция культурных традиций, исследовательские практики» (FWZM-2021–0005).

археографическом, текстологическом, историко-культурном изучении обширного рукописного материала XVI–XIX вв.⁶

Ещё один опыт исследования рукописных собраний Максима Грека находим в книге В.Ю. Крутецкого. На основе изучения состава и структуры собраний сочинений святого, сформированных русскими книжниками в конце XVI в., историк попытался определить, «какие темы и проблемы его творчества вызывали к себе наибольший интерес... выявить использовавшиеся редакторами-составителями принципы внутренней организации собраний» (с. 14). Установить замыслы создателей сводов — цель трудно достижимая. Даже самому Максиму Греку (или его помощникам) можно было бы задать вопросы о логике строения прижизненных кодексов, особенно Хлудовского собрания. Ещё более сложная задача, поставленная Крутецким, — «сравнительное изучение структуры отдельных собраний, позволяющее расширить представление об их происхождении и генеалогических связях» (с. 14), — требует использования комплекса научно-методических приёмов системного анализа.

Историографический обзор, составленный Крутецким, носит информативный и отчасти поверхностный характер. Не выделены положения, на которые автор монографии мог бы опереться, и исследования, в которых рассматривается история отдельных сочинений ватопедского монаха в составе сводов конца XVI в. И главное — проигнорировано последнее высказывание Синицыной о возможной истории Парижской рукописи (Paris, Man. Slave 123, конец XVI в.), оно могло бы стать одним из ключевых моментов настоящего исследования.

В первой главе книги рассмотрены состав и структура сводов кон-

ца XVI в.: 1587 г., Ионы (Думина), Нижегородско-Парижского, Синодального и Музейного собраний⁷. Крутецким приводятся известные списки рукописей со ссылкой на работы Синицыной и Буланина, но, к сожалению, не проанализированы кодикологические наблюдения, установленные исследователями, поэтому поставленная задача — описать происхождение и генезис сводов — практически не решена. Основное внимание автора сосредоточено на сравнении порядка расположения текстов в сводах конца XVI в. с составом прижизненных собраний, Иоасафовским (далее — *И*) и Хлудовским (далее — *Х*). На самом деле, наверное, неправомерно привязывать все поздние собрания к архитектонике авторских кодексов. Собранные автором монографии данные представлены в многочисленных таблицах, отразивших «кухню» исследования. Сопоставление структуры собраний носит большей частью констатирующий, а не аналитический характер. Наблюдения недостаточно прокомментированы, не всегда сформулированы их результаты. Так, попытки найти закономерности в конфигурации Свода 1587 г. неубедительны. Например, в первой главе этого кодекса — «Сия словеса сотворилъ есть инокъ Максим, в темницы затворень и скорбѣя» (45-я глава *Х*) «мотив несправедливости обвинений» представлен Крутецким как определяющий и задающий тональность всему собранию (с. 39). Но авторский замысел «Словес» иной⁸. Может быть, именно состояние души Святогорца, его личные переживания и пример духовного подвига привлекли внимание русского редактора, и он поставил на первую позицию этот текст, тем самым выразив сочувствие, восхищение и уважение к афонскому монаху. Личность Максима Грека — вот что более всего интересовало

книжника и читателя. Об этом свидетельствуют заключительные слова «Сказания Максима Грека», составленного в конце XVI в.: «Аз же писах сие сего ради, яко многое множество писании его остася, и последним людем многим не ведом, кто Максим. Да сие прочтут, разумеют о нем, яко муж истинно благочестив и ни единого в нем порока еретическа несть». Это ответ на вопрос об интересе к личности и творчеству святого в конце столетия. Образ писателя, переводчика, богослова мог спровоцировать замысел редактора Свода 1587 г.

Крутецкий обнаружил четыре совпадения порядка глав Свода 1587 г. с X, обратил внимание на статьи, не вошедшие в него, среди которых сочинения догматико-полемиического содержания, нестяжательные сюжеты, и предположил, что «задача составителей Свода 1587 г. состояла лишь в том, чтобы несколько приглушить полемическую тему в целом» (с. 49), но в конце заявил, что отсутствие сочинений объясняется не целенаправленным отбором составителя, а «составом использовавшихся источников» (с. 51). Такая нестыковка двух выводов привела историка к заключению о неясности причин выбора текстов в Своде 1587 г., т.е. вопрос о его происхождении остаётся невыясненным. Возможно, состав свода определён интересами, уровнем читательской культуры редактора-составителя Свода, а не желанием «приглушить полемическую тему в целом». Нестяжательские проблемы и полемика с иноверцами в общественной жизни Руси в 1580-х гг. не стояли остро на повестке дня.

Хотя Крутецкий упоминает мнение Буланина об «энциклопедизме» сочинений Максима Грека⁹ и бесперспективности тематической классификации в анализе сюжетов, всё-таки сам он придерживается принципов систематизации трудов Святогорца,

предложенных А.И. Ивановым. При желании в сочинениях афонца можно найти спектр мотивов, позволяющих один и тот же текст отнести и к «оправдательным», и к просветительским, и к «филологическим», к «истолковательным» и «нравоучительным» высказываниям. В этом причина неточных, часто натянутых построений, которые якобы определяют замысел составителя-редактора свода. Например, соседство в Своде 1587 г. таких разных по авторскому замыслу сочинений, как «Слово пространне излагающе съ жалостию нестроения и бесчиния царей» и «Повесть страшная и достопамятная» (о Савонароле), автор монографии объясняет их «обличительным» (что сомнительно) характером. Под этот «общий знаменатель» можно подвести большое число сочинений Максима Грека, но это не определит особенности строения сводов конца XVI в.

История Собрания Ионы (Думина) представлена в монографии изложением известных точек зрения ведущих специалистов. Крутецкий придерживается версии Н.В. Синецкой о происхождении свода в скриптории московского Чудова монастыря, мнения Х. Олмстеда о формировании масштабного проекта в связи с визитом в Москву Константинопольского патриарха Иеремии и учреждением Московского патриархата. Вслед за Синецкой автор монографии отвергает концепцию Буланина о выделении Рогожского собрания. На самом деле, как показывает текстологический анализ, списки Рогожского собрания содержат целую систему первоначальных чтений¹⁰.

Замысел составителя Собрания Ионы (Думина) установлен исследователями: сочетание состава Иоасафовского собрания с главами второй части Хлудовского кодекса, разделённое грамотами Александрийского патри-

арха Иоакима (1545) и Константинопольского патриарха Дионисия (1546) Ивану IV, демонстрировало введение в книжную культуру рукописного наследия Максима Грека, официальное признание его авторитета как русского публициста, переводчика, богослова и способствовало реабилитации афонского монаха. Крутецкий, изложив версии истории Свода епископа Ионы, предложенные Синицыной и Буланиным, сосредоточился на характеристике Волоколамского антилатинского комплекса, сложившегося из четырёх ранних посланий Фёдору Карпову и одного послания Николаю Немчину (Булеву). Актуальность антилатинской темы в конце XVI в. была, как справедливо отмечено Крутецким, вызвана «оживлением проектов церковной унии» (с. 63). В Собрании Ионы цикл составляет как бы приложение к Своду, в следующих кодексах он будет частично разрушен. Крутецкий, публикатор первого послания Максима Грека Фёдору Карпову против астрологии¹¹, предлагает признать «методы работы составителей с одной главой» общими для других глав. Но, как показывает текстология, история Волоколамского комплекса не может быть напрямую связана с историей Свода Ионы. У него своя сложившаяся в 1520–1550-х гг. рукописная традиция, поэтому распространять выводы о текстологии Первого послания Карпову против астрологии на весь Свод Ионы (с. 61), наверное, неправомерно.

Сложные вопросы встают в связи с историей Нижегородско-Парижского собрания, рукописи, известной по труду С.А. Белокурова под № 243. Синицына во вступительной статье ко второму тому сочинений Максима Грека уделила этой рукописи (особенно глоссам) много внимания и в самом конце сделала неожиданное заявление: «Введение в научный оборот

собрания в 112 глав с его уникальными вариантами текстов и пространным маргинальным глоссарием (что отражает многие особенности и черты Архетипа) позволяет по-новому ставить вопрос об истории текста собраний сочинений Максима Грека. Вопрос о взаимоотношениях прижизненных собраний *И*, *Х*, *Р* отходит на второй план, выдвигается задача изучения более раннего этапа, сохранившегося частично в реальных рукописях — Нижегородско-Парижской и Синодальной, тоже отражающих авторский архив... Изложенные наблюдения отличаются и от предварительных выводов, сделанных мною более 30 лет назад, в 1977 г., на основе макротекстологии, и от выводов Л.И. Журовой на основе традиционной текстологии»¹². К большому сожалению, это — последнее слово Синицыной в науке о Максиме Греке. Однако о нём в книге Крутецкого ничего не сказано. В то же время концепция А. Лангелера о сборнике Slave 123, подвергшейся справедливой критике Буланина, уделено достаточно внимания. Сейчас сделаны отдельные изыскания в истории текста Парижской рукописи, позволившие не согласиться с предложением Синицыной¹³, но они не замечены автором настоящей монографии, как и статья Шашкова об истории кодекса¹⁴.

Отмеченные Крутецким совпадения последовательности некоторых глав собраний *И*, *Х* и рукописи Slave 123 ещё не доказывают генетические связи между ними. Вывод о зависимости состава Парижской рукописи от Собрания Ионы (Думина) построен на учёте заключительных глав, в том числе и Волоколамского комплекса. При том отмечено, что Slave 123 ближе по составу к Соловецко-Рогожскому или Соловецко-Большаковскому видам Собрания Ионы, т.е. всё-таки к Рогожскому собранию по классификации Буланина.

История основного списка Синодального собрания (ГИМ. Синод. 491, рубеж XVI–XVII вв.), совпадающего по составу с Парижской рукописью, установлена и описана Шашковым¹⁵. Однако в монографии Крутецкого она изложена частями (в историографическом обзоре и в параграфе 4), кратко и неполно. Крутецкий заметил, что сочетание глав в Slave 123 часто повторяет порядок *И* и *Х*, тогда как в Синод. 491 последовательность статей более свободная. Надо заметить, что такое творческое обращение с источниками было характерно для книжников Кирилло-Белозерского монастыря. Автором монографии сделан вывод об использовании в Синод. 491 «другого» источника, но предположение, что его составители «могли заимствовать из этого источника только последовательность текстов, а сами тексты из Slave 123» (с. 83), кажется странным. Более чем вероятно, что у обеих рукописей общий протограф, возможно, чудовского происхождения.

«Другой источник» автор монографии упоминает часто, когда трудно найти объяснение сочетанию глав. Он справедливо отмечает формирование внутренних тематических комплексов в архитектонике Синод. 491, например, сочинения против иноверцев (гл. 64–68), антикатолические (гл. 69–74) и т.д. Сделано верное заключение о последовательной систематизации текстов внутри свода и высоком уровне подготовленности составителей собрания (с. 97–98) (в Кирилло-Белозерском книжном центре?). Отношения сводов Синод. 491 и Slave 123, вызывающих сегодня наибольшее число вопросов, Крутецким описаны неполно.

С Кирилло-Белозерским монастырём связана история Музейного собрания (далее – *Муз*), основной список которого (ОР РГБ, ф. 292, собр. Строева, № 62), был подарен обители

в 1610 г. архимандритом суздальского Спасо-Евфимиева монастыря Герасимом¹⁶. В настоящей монографии приведено несколько таблиц «Совпадения глав...» *Муз* с прижизненными кодексами, Собранием Ионы, Slave 123, но выводы малоубедительны. Во-первых, автор настойчиво ищет совпадения с *И* и *Х*, пытаясь доказать генетические связи прижизненных и поздних собраний, тогда как логичнее было бы определить отношения между собраниями конца XVI в., в первую очередь Рогожским и Ионы Думина. Во-вторых, отмеченные Крутецким несовпадения глав *Муз* с другими сводами не привели исследователя ни к каким выводам. Допущены странные заявления, например, о зависимости Синодального собрания от Музейного (с. 115). Составитель *Муз* разрушил авторский комплекс в 12 глав, известный по прижизненным кодексам как «оправдательный», вставив в него ранние антилатинские послания, полемические статьи против иноверцев. На этом наблюдении Крутецкий сделал вывод о «большом интересе редактора собрания к полемическим трудам Святогорца» (с. 122). На самом деле во всех сводах сочинений Максима Грека, прижизненных и поздних, полемический дискурс занимает важные позиции. В общем, скрупулёзно собранные Крутецким данные о порядке глав в собраниях мало что объясняют в истории происхождения кодексов конца XVI в. Нельзя исключать момент случайности в процессе формирования состава того или иного из них. Основной вывод анализа *Муз* не оригинален: в основу систематизации текстов положен тематический принцип (с. 122).

Поздние собрания интересны новыми по сравнению с прижизненными сводами статьями, в том числе не принадлежащими Максиму Греку. Так, причину появления в *Муз* «По-

вести о новгородском белом клобуке» Крутецкий справедливо видит в событиях, связанных с учреждением патриаршества на Руси в 1589 г. Но самое примечательное — это её контекст, а именно «Сказание ко отрицающим-ся на поставлении», в котором Святгорец критически высказался о практике поставления митрополитов на Руси. Следовательно, редактор *Муз* составил специальную композицию на тему, за которую судили афонского монаха на соборе 1525 г. И это есть пример реабилитации Максима Грека.

Таким образом, представленный в монографии анализ состава сводов конца XVI в. не ответил на вопрос о связях между ними. Осталась нерешённой задача происхождения и генеалогии собраний, составленных русскими книжниками. Скорее всего, надо предположить существование протографа (протографов), до нас не дошедшего, который вращался в книжных кругах того времени, и редакторы-составители в конце XVI в. использовали его в своих проектах.

Вторая глава монографии «Распространение астрологических представлений Московской Руси XVI в. и их критика в сочинениях Максима Грека» представляет переиздание статьи Крутецкого по текстологии Первого послания Максима Грека Фёдору Карпову против предсказательной астрологии¹⁷, дополненной анализом списков Соловецко-Большаковского и Соловецко-Рогожского видов Собрания Ионы (Думина). Как патриот своей темы, Крутецкий считает, что антилатинские сочинения были самыми востребованными в книжной культуре последней четверти XVI в. (с. 190).

В третью главу — «Биографические материалы в собраниях сочинений Максима Грека последней четверти XVI в.» — вошли в основном рассуждения о посланиях восточных патриархов Иоакима (1545) и Диони-

сия (1546) Ивану IV, впервые появившихся в русской рукописной традиции конца XVI в., и Разрешительной грамоте Константинопольского патриарха Иеремии II (1588–1589). Также представлен очень краткий обзор Сказаний о Максиме Греке. Эти материалы, безусловно, свидетельствуют об интересе к личности святого и причинах распространения его сочинений в книжной культуре последних десятилетий XVI в.

В приложении к монографии помещены публикации Первого послания Максима Грека Фёдору Карпову против астрологии, Разрешительной грамоты и одного списка Сказания о Максиме, отнесённого Синицыной к Первоначальному виду памятника, по рукописи Ярославского государственного музея-заповедника (№ 14982, л. 515–516 об.).

К сожалению, в монографии Крутецкого практически не отражены результаты исследований рукописного наследия Максима Грека, полученные в последние десятилетия. Автором допущены непростительные ошибки и небрежности в изложении. Так, он придерживается давно отвергнутой в науке¹⁸ точки зрения С.А. Белокурова о том, что Хлудовский (ГИМ, Хлуд. 73) и Большаковский (ОР РГБ, Больш. 285) сборники изначально составляли одну рукопись, разделённую впоследствии на два переплёта (с. 56). У Крутецкого рукопись Хлуд. 73, содержащая 25 глав, «представлена» 73 главами (с. 76). Автор ссылается на автореферат моей докторской диссертации (2005), а не на монографию (2008, 2011). В надписаниях таблиц встречаются несуразности (с. 83). Сложилось впечатление, что Крутецкий часто анализирует состав сводов не по рукописям, а по архивным описям. Можно привести и другие критические замечания. В целом же изданная книга представляет скромное

собрание трудов исследователя, но не содержит принципиально важных научных результатов.

Примечания

¹ Синицына Н.В. Проект издания сочинений Максима Грека // *Cyrrilomethodianum*. Vol. XVII–XVIII. Thessalonique, 1993–1994. С. 93–141.

² Преподобный Максим Грек. Сочинения. Т. 1. М., 2008. С. 15–80; Т. 2. М., 2014. С. 12–45.

³ Синицына Н.В. Максим Грек в России. М., 1977. С. 223–279.

⁴ Буланин Д.М. Переводы и послания Максима Грека. Л., 1984. С. 220–239, 247–251.

⁵ Буланин Д.М. Вологодский архиепископ Иона Думин и рукописная традиция сочинений Максима Грека // *Источниковедение литературы Древней Руси*. Л., 1980. С. 174–180.

⁶ Шашков А.Т. Поморский кодекс сочинений Максима Грека // *Шашков А.Т. Избранные труды*. Екатеринбург, 2013. С. 17–39.

⁷ Крупное Соловецкое собрание не стало предметом оценки в освоении русскими книжниками трудов Максима Грека, автор сослался на историю кодекса, описанную А.Т.Шашковым.

⁸ Журова Л.И. К вопросу о греческих текстах Максима Грека в России // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2018. № 4(74). С. 151–157.

⁹ Буланин Д.М. Переводы и послания... С. 84.

¹⁰ Журова Л.И. Авторский текст Максима Грека: рукописная и литературная традиции. В 2 ч. Ч. 1. Новосибирск, 2008. С. 113–136.

¹¹ Преподобный Максим Грек. Сочинения. Т. 1. С. 255–294.

¹² Там же. Т. 2. С. 45.

¹³ Буланин Д.М. Полное собрание сочинений Максима Грека. Начало работы и план её завершения // *Studi Slavistici*. Vol. XVI. 2019. № 2. С. 127–130; Журова Л.И. К вопросу об истории текста Нижегородско-Парижского собрания сочинений Максима Грека (Paris, Man. Slave № 123) // *Studi Slavistici*. Vol. XVI. 2019. № 2. С. 241–260.

¹⁴ Шашков А.Т. «Обличение на Соловецкую челобитную» Юрия Крижанича и споры XVII в. вокруг наследия Максима Грека // *Шашков А.Т. Избранные труды*. С. 57–66.

¹⁵ Шашков А.Т. Сборники сочинений Максима Грека в составе библиотеки Кирилло-Белозерского монастыря // *Шашков А.Т. Избранные труды*. С. 75–77; Шашков А.Т. Тагильский сборник сочинений Максима Грека // Там же. С. 70.

¹⁶ Шашков А.Т. Сборники сочинений... С. 77–78.

¹⁷ Преподобный Максим Грек. Сочинения. Т. 1. С. 453–464.

¹⁸ Синицына Н.В. Максим Грек в России. С. 163.